

РЕЦЕНЗИИ

Olav F. Knudsen (red.). *Security Strategies, Power Disparity and Identity: The Baltic Sea Region*. Aldershot; Burlington: Ashgate, 2007. 238 s.

Несмотря на энтузиазм, с которым государства района Балтийского моря подходят к возможностям развития регионального сотрудничества, появившимся в начале 90-х гг., до сих пор не удалось создать общих региональных структур, эффективно усиливающих их безопасность. Это результат не только сильной конкуренции со стороны уже существующих организаций более широкого масштаба, особенно Европейского союза и НАТО. Необходимость адаптации государств региона к структурным изменениям в ближайшем окружении обнаружила различия в подходе к проблеме безопасности, следующие из различия сил государств (*power disparity*), имеющих различный опыт эпохи холодной войны, который стал неотъемлемой частью их идентичности. В это время появился ряд сомнений в том, действительно ли значение разницы сил уменьшилось вместе с распадом Советского Союза и ограничением возможностей России, как правительства воспринимают свое новое положение, в какой степени оно является основой изменений прежнего способа сосуществования и сотрудничества в регионе и в Европе и, прежде всего, каким образом разница сил между Россией и остальными государствами региона формирует отношения в области безопасности и процессы интеграции.

На эти вопросы пытались ответить авторы разработок, содержащихся в книге под редакцией Олава Кнудсена – эксперта, который много лет занимается проблемой безопасности малых государств, в особенности в регионе Бал-

тийского моря. Книга является результатом исследовательского проекта *Power Disparity, Identity and Cooperative Security in the Baltic Sea Region, 2002-2006*, поддерживаемого Содерторнским университетским колледжем и Шведским институтом международных проблем. Анализ политики государств региона Балтийского моря, их методов ухода от конфронтации и преодоления результатов неравновесия сил в регионе должен был помочь объяснить механизмы отношений между государствами с разными силами и поэтому различными возможностями воздействия на международную среду, а также различными международными ролями. Существенным вопросом оказались также отношения между оценкой возможностей других государств и восприятием угроз. В работе выдвинута гипотеза о том, что различия в силе государств региона по-прежнему политически значимы, что задерживает функционирование и развитие системы коллективной безопасности (*cooperative security*).

В качестве исходного Олав Кнудсен берет толкование силы как способности вступления в конфронтацию с другим субъектом и победы над ним, способности влиять на других и преодолевать их сопротивление. Несмотря на то, что она предполагает материальные возможности воздействия на среду, сила понимается не как объективное явление, поддающееся измерению, но скорее как самооценка, представление о своей роли и оценка предполагаемых оппонентов в потенциальном конфликте. В этом контексте понятие «держава» означает более сильное государство, а «малое государство» - более слабое. Восприятие силы соседей и своей собственной определяет стратегию поведения государств, что сказывается на их внешней политике и политике безопасности, а также форме взаимоотношений. Государства, воспринимающие друг друга как равные с точки зрения силы, более склонны к борьбе и соперничеству, государствам же малым остается выбирать между полной уступчивостью для собственной выгоды или символической для того, чтобы элементарно выжить, бездействием и избеганием вовлеченности, символическим протестом или различного рода вооруженным сопротивлением, включая также поиск гарантий безопасности посредством союза с более сильным государством.

Данные положения авторы попытались спроецировать на конкретные действия государств и проблемы, существенные для структуры безопасности в регионе. В следующих главах,

представляющих собой кейс-анализ, можно выделить два подхода к исследуемой проблеме: субъектный, представляющий решения и поведение отдельных государств, которые должны были обеспечить им самую большую степень безопасности в новой ситуации, возникшей после окончания холодной войны, и объектное, рассматривающее конкретные угрозы и вызовы в сфере безопасности региона, попытки их преодоления государствами, принадлежащими к нему, и их значение для взаимоотношений между государствами.

Несмотря на то, что в работе не учтены стратегии всех государств региона, здесь видны некоторые тенденции, обусловленные географическим положением по отношению к самому большому государству региона – России, а также послевоенной историей. Изменения, произошедшие в регионе за последние примерно полтора десятилетия, не смогли нивелировать последствия разделов периода холодной войны и повлиять на сформированные в то время элементы идентичности государства. Это хорошо видно в проанализированном Региной Карп случае Швеции и Финляндии. Хотя в результате распада Советского Союза исчезли стратегические предпосылки политики неприсоединения, а следующие одно за другим расширения НАТО за счет Польши и балтийских государств ввели новую динамику, эти государства продолжают стратегию, принятую во время холодной войны, которая позволила им в период политической, военной и идеологической борьбы крупных держав избежать вовлечения в конфликты между ними. Сохранение политики неприсоединения после 1991 г. свидетельствует о влиянии факторов иного, не оборонного характера. Решения этих государств в вопросе обеспечения себе безопасности являются результатом взаимодействия потребностей адаптации к структурным изменениям в международной среде и сохранения идентичности государства. Однако их основанием по-прежнему являются идеи и парадигмы действий во внешней политике периода холодной войны.

В новой ситуации дальнейшее упорное соблюдение политики неприсоединения быстро привело бы оба государства к маргинализации и изоляции, что сказалось бы на значительном ослаблении условий их безопасности. Однако лишь членство в Европейском союзе, организации невоенного характера, позволило улучшить их безопасность и включиться в интеграционные процессы, не отказываясь от своей идентич-

ности. В случае же НАТО, как указывает автор, единственной основой, позволяющей Швеции и Финляндии согласовать свою идентичность, традиционные цели внешней политики (смягчение конфликтов, уважение к правам человека и восстановление государства после конфликта) с возможностями институционализации, является сотрудничество в области управления кризисами.

Сходная позиция в отношении к членству в структурах безопасности, однако, вытекает из различных предпосылок и служит различным целям. В случае Швеции неприсоединение связано с надежностью международной роли государства, пропагандирующего разоружение, справедливость и развитие. В Финляндии же вариант членства в НАТО является частью продолжающейся национальной дискуссии о значении и легитимизации нейтралитета, отношениях с Россией и месте в Европе.

Положение на восточном побережье Балтийского моря выглядит иначе. Государства Балтии вновь обрели влияние на свою политику безопасности лишь в 1991 г. Выходя из Советского Союза, они оказались перед необходимостью упорядочения просоветских рудиментов также в военной сфере. По мнению Эрика Нореена, решение государств Балтии о вступлении в НАТО и Европейский союз было продиктовано скорее послевоенным опытом, советской аннексией и оккупацией, чем реальной угрозой их безопасности со стороны России. Расчет делался на то, что членство позволит восстановить связи с политической культурой Запада и укрепить представление об Эстонии как современном государстве.

В свою очередь, Россия, хотя и сильно детерминирует политику безопасности государств региона Балтийского моря, не придает ему важного значения в своей стратегии безопасности. Эрик Нореен обратил внимание на то, что российские политики больше озабочены потенциальной утратой территорий и влияний на юге и востоке, чем изменениями за северо-западной границей. Это вызвано, с одной стороны, статусом России как крупного государства и ее интересами в глобальном масштабе, с другой – отсутствием реальных непосредственных угроз для нее в регионе Балтийского моря. Кроме того, статус, сила и положение России затрудняют ей однозначное дефинирование своей государственной идентичности лишь в отношении Европы, как это происходит в случае остальных государств региона.

Норен указывает в то же время на определенную тенденцию в восприятии угроз Эстонией и Россией, которое мы можем распространить на другие государства региона. Опасность военной угрозы со стороны остальных государств, особенно располагающего наибольшей силой – России, уменьшилась на протяжении примерно последнего полутора десятилетия. Ныне центр тяжести вызовов передвинулся в направлении глобальных проблем – таких, как терроризм, организованная преступность, контрабанда наркотиков. В связи с этим дискуссия, касающаяся безопасности, концентрируется не только на том, что угрожает, но также на том (общие ценности, идентичность), чему это угрожает. Эти вызовы скорее объединяют, чем разделяют обе стороны, что создает возможность возникновения и функционирования сообщества безопасности (*security community*) даже в случае такой большой диспропорции силы. Эту возможность следует признать скорее теоретической, чем реальной. Автор учел в своем анализе главным образом вопрос восприятия угрозы, обойдя цели внешней политики более сильного государства, в силу чего диктующего масштаб и условия сотрудничества. Для России, которая в последнее время стремится прежде всего к укреплению своей позиции в отношениях с другими государствами, имеющими сходную силу, отношения с более мелкими государствами служат инструментом в реализации ее главных целей.

Особое внимание посвящено двум сферам безопасности в регионе Балтийского моря, т. е. проблемам ядерной безопасности и безопасности в киберпространстве. Михаэль Карлсон, представляя проблему урегулирования вопроса о статусе советского Центра подготовки экипажей атомных подводных лодок в г. Палдиски в Эстонии, затронул вопрос о влиянии на разрешение конфликтов между крупной державой и малым государством эпистемологического сообщества (*epistemic community*), т. е. наднациональной группы экспертов, не представляющих свои правительства, хотя и зависимых в различной степени от отдельных государств. В этом случае, хотя преимущество России, особенно в сфере доступа к информации, действует как ограничивающий фактор, группа экспертов, представителей государств-членов Совета государств Балтийского моря создала формальные основания для равноправия в рамках международной организации, которая сгладила различия между отдельными государствами,

вытекающие из неравенства их материальной силы. Это позволило избежать переговоров на уровне high-politics, на котором результаты разницы сил играют большую роль. В этих условиях и значение hard power стало менее явным, а укрепление soft power – стратегией более эффективной. Автор приходит к выводу, что дифференциация сил является открытой структурой, которая налагает ограничения на функционирование эпистемологического сообщества, но в то же время формируется под его влиянием.

Йохан Эриксон представил проблему неравновесия сил в киберпространстве, сравнивая случаи Соединенных Штатов, России и малых государств – Швеции и Эстонии. Однако в своей разработке он сосредоточился прежде всего на потенциале информационной и коммуникационной технологии Соединенных Штатов и России, уходя от проблем, характерных для региона Балтийского моря, которых можно было ожидать в такой работе, особенно проблемы хакерских атак на серверы Эстонии. Несмотря на это, он обратил внимание на существенный вопрос в восприятии сил государства, а именно на то, что информационная революция до сих пор не изменила иерархию государств с точки зрения традиционно понимаемой силы. Хотя Швеция оценена как страна, располагающая большей «информационной силой», чем Россия, в отношениях с последней она представляется более слабым государством.

Достоинством данной книги является солидное представление теоретических рамок обусловленностей и стратегий поведения государств, а также попытка последовательного вписывания в них реального положения, конкретных шагов и решений государств. С этой точки зрения особого внимания заслуживает работа Стивена Уолкера, в котором он использовал элементы теории игр для представления комбинации потенциальных стратегий государств (сотрудничества или конфликта) и их результатов. Они дают читателю инструменты, которые можно использовать с целью объяснения других проблем и явлений, появляющихся в региональном сотрудничестве, особенно между крупным и более мелким государствами.

Однако, с другой стороны, несмотря на наличие главы, определяющей основные понятия, на которые опирается проект, авторы отдельных анализов вводят дополнительные теоретические основания, что может затруднить целостное

восприятие работы. Кроме того, некоторые статьи производят впечатление слишком общих и оторванных от принципов проекта, касающегося региона Балтийского моря (напр., *Power Disparity in the Digital Age*, автором которой является Йохан Эрикссон).

Последняя, итоговая глава, написанная Олавом Кнудсенем, дает более четкую и целостную картину отношений в регионе. Из нее вырисовывается региональная структура, в значительной мере обусловленная восприятием роли и возможностей своего государства и его соседей теми, кто принимает решения. Автор выходит за рамки выводов, вытекающих из анализа отдельных глав. Кнудсен указывает на эволюцию ситуации в регионе, вызванную политикой самого сильного государства. В начале 90-х гг. восприятие различия сил государствами было относительно низким. Лишь демонстративные действия России в отношении ее соседей придали соответствующий контекст представлению о ее возможностях влияния на окружение. Несмотря на это, как точно замечает автор, на самом деле отдельные государства Балтийского моря слишком малы, чтобы угрожать России или играть значительную роль в ее политике безопасности. Настоящие вызовы и проблемы, с которыми Россия вынуждена считаться, находятся в глобальной, а не региональной сфере. У России нет интереса к данному региону как отдельной единице, важной в целом в международных отношениях, что влияет также на отсутствие регионального сообщества безопасности.

Целью анализа решений и действий отдельных государств региона в области безопасности, представленных в рассматриваемой книге, должен был стать скорее ответ на более общие вопросы, касающиеся оснований и механизмов политики малых государств, их отношений с крупной державой, чем изображение одной специфики отношений в регионе Балтийского моря. Разнородность тем, которые зачастую представляют собой кейс-анализ, снабженный значительной дозой теории, может производить впечатление хаотичности и фрагментарности для читателей без специальных знаний в области истории, характера и масштаба сотрудничества в этом регионе. Это скорее работа для людей, изучающих поведение и решения малых государств в определенных исторических и географических условиях, влияние идентичности государства на его внешнюю политику и политику безопасности. Хотя заявленные вначале принципы проекта не вполне использованы во всех статьях, а,

учитывая разнородность проблематики, тема не исчерпана не только с субъектной, но и с объектной точки зрения, книга дополняет существующие знания в области региональной безопасности. Она помогает понять прежде всего последствия неравновесия сил для характера и степени сотрудничества государств региона Балтийского моря.

Следует обратить внимание также на географический масштаб работы. Несмотря на то, что авторы включают в состав региона Балтийского моря государства Северной Европы, граничащие с Балтийским морем, в анализе учитываются главным образом Швеция, Финляндия, государства Балтии и Россия. Такие ограничения можно встретить также в других публикациях, посвященных региону Балтийского моря, что отражает изменения в определении масштаба региона.

Халина Буковецка

Майоров М. В. Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве. М.: Международные отношения, 2007. 158 с.

Провозглашение сербской провинцией Косово независимости в феврале, а также российско-грузинская война в августе 2008 г. напомнили всему миру о том, что в Европе уже 15 лет существует несколько других квазигосударственных образований, которые требуют международного признания вслед за Косовом. Они образовались в результате распада Советского Союза. Национализм титульных народов в отдельных республиках вызывал опасения у этнических меньшинств, которые искали защиты у центральной власти от большинства, доминирующего в республике. Это касалось положения не только южных осетин, абхазов в Грузии, армян в Карабахе или населения Приднестровья в Молдавии, но и части поляков в Литве¹.

¹ В 1989 г. часть польской общественности Литвы, опасаясь возрождения литовского национализма, выдвинула идею создания Польского автономного края, в состав которого должны были войти Вильнюсский и Шальчининкский (*Sołeczyniki*) районы, основную часть населения которых составляло польское этническое меньшинство. Убежденным сторонником этой идеи был, в частности, один из лидеров польского меньшинства и депутат Верховного Совета СССР Ян Цеханович. См.: Z. Kurcz. *Siermiężny nacjonalizm u schyłku XX wieku*, www.kurierwilenski.lt, 29 августа 2007.

После формального распада СССР Грузия, Молдавия и Азербайджан совершили попытку восстановить полный контроль над своей территорией. Через разыгрывание конфликтов Россия приобрела возможность сохранить контроль над постсоветским пространством. Покровительство России позволило сепаратистам Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии, Горного Карабаха, а также правительственной стороне в Таджикистане одержать победу над противником и подписать мирный договор (или перемирие) на выгодных для себя условиях. В соответствии с договорами, заключенными под патронажем России, именно этой стране отводилась решающая роль в обеспечении контроля над соблюдением перемирия, которую выполняли миротворческие силы, состоящие в основном из российских батальонов. Таким способом Россия умело использовала международный опыт миротворческой деятельности с целью восстановления своего влияния в государствах, созданных на развалинах СССР.

Книга М. В. Майорова *Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве* дает нам возможность ознакомиться с оценкой деятельности России по урегулированию этнических конфликтов в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье и Горном Карабахе с российской позиции. Майоров, многолетний работник советских и российских дипломатических миссий, с проблемами урегулирования конфликтов впервые встретился в 80-х гг. в Африке, когда он принимал участие в урегулировании конфликтов в Эфиопии, Анголе, Мозамбике и Намибии. После возвращения в Россию в 1995 г. он активно участвует в урегулировании споров на территории стран СНГ, и в первую очередь – грузино-осетинского конфликта (в 2000-2004 гг. он был руководителем Российской части Смешанной контрольной комиссии).

Поскольку Майоров принимал непосредственное участие в описываемых им событиях, его книга представляет собой не объективное изложение основных положений, касающихся вовлеченности России в разрешение этих споров, а неофициальное толкование российской политики в отношении конфликтов на территории стран СНГ, представленное чиновником МИД РФ высокого ранга. Сущность толкования можно свести к следующей цитате: «Россия проводила и проводит линию на ликвидацию очагов противостояния на своих границах. Она, как никакая другая страна, заинтересована в том, чтобы ее окружал пояс добрососедства и

стабильности» (С.12). Центральное место в усилиях российской дипломатии отводилось осуществлению посреднической миссии. С точки зрения теории посредничество реализуется третьей стороной, не участвующей в данном споре, при согласии всех сторон конфликта. Однако на практике в конфликтах Россия не оказалась нейтральной и незаинтересованной стороной. Как признается сам Майоров, посредничество России устраивало далеко не все стороны конфликтов, но это был единственный шанс добиться прекращения огня. Однако он не говорит ни слова о поддержке со стороны России сепаратистов Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья, которая преопределила исход военной конфронтации.

В российской специальной литературе работа Майорова отличается своим новаторским характером. Советский Союз не принимал участия в миротворческих операциях, он чаще провоцировал конфликты, чем их разрешал. Единственная монография по этой теме - *Посредничество в международном праве*, принадлежавшая Э. Пушмину, вышла в 70-е гг. Поэтому Россия была вынуждена в 1992 г. развивать новое направление своей внешней политики: непосредственное участие в миротворческой деятельности и урегулировании конфликтов. Майоров со скромностью утверждает, что его работа - это «всего лишь попытка представить собственный взгляд на сложную и весьма актуальную сферу дипломатической деятельности» (С.16). Как нам кажется, вот так и нужно к этой книге подходить.

Эта небольшая по объему монография отличается ясной и четко выраженной структурой и последовательностью в изложении материала. Автор явно предпочитает сухую фактографию и простой стиль, не превращая книгу в цветистые воспоминания о закулисных встречах, в которых на протяжении нескольких лет посреднической деятельности он наверняка участвовал. Работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых разбита на разделы, а также заключения, 7 приложений в виде документов, относящихся к мирному разрешению конфликтов на постсоветском пространстве, и библиографии.

В первой главе «Посредничество в отечественной дипломатии» представлен исторический очерк становления и эволюции института посредничества в дипломатии России и СССР (вплоть до распада Советского Союза). По мнению Майорова, первым примером посредничества можно считать

институт арбитража - т. н. третейский суд, возникший в XII в., который рассматривал и разрешал споры между князьями. Автор приводит краткую характеристику российской дипломатии XVIII-XIX вв., а также дает оценку институту посредничества и «добрых услуг» в отношениях между Россией и европейскими державами. Он отмечает, что именно по инициативе России во время Гаагской конференции 1899 г. основное внимание было уделено проблеме мирного разрешения международных конфликтов. Итогом этой конференции стала унификация международного права, относящегося к сфере посреднической деятельности и добрых услуг. Во второй части главы Майоров рассматривает посреднические усилия СССР и России на международной арене после 1917 г. Одним из наиболее известных и успешных примеров советской медиаторской миссии стала инициатива посредничества, выдвинутая СССР для урегулирования индо-пакистанского конфликта 1965 г.

Глава вторая - «Конфликты на пространстве СНГ: посредничество России в 1992–2004 гг.» - представляет собой наиболее значительную часть работы и является наиболее обширной. Она состоит из двух больших разделов: «Эволюция конфликтов: позиция и усилия России», «Основные задачи и направления миротворческой деятельности России». Майоров начинает свои рассуждения с критической оценки «либеральной тенденции» в российской внешней политике, которая однозначно связывается с именем А. Козырева: «В мире считаются только с сильным партнером, уважающим самого себя и учитывающим интересы других» (С.47). Зато автор положительно оценил назначение Е. Примакова на пост главы МИДа: «именно при нем отстаивание наших национальных интересов начало играть подобающую роль при принятии важных политических решений» (там же). Примаков придавал также большое значение проблеме урегулирования конфликтов на пространстве СНГ, эти вопросы курировал его первый заместитель Борис Пастухов.

Рассматривая российское посредничество, Майоров оговаривается, что «освещение политики России по разрешению конфликтов на постсоветском пространстве потребовало от автора данной работы серьезной самоцензуры, дабы попытаться избежать обвинений в предвзятости и необъективности. Не было и стремления отразить все события, повлиявшие на процессы урегулирования. Цель была другая - отразить осно-

вные вехи деятельности российской дипломатии, показать ее динамизм и нацеленность на достижение реальных результатов» (С.47-48). Даже если автор фактически ввел *строгую самоцензуру*, то по-прежнему остается сомнительным, обусловлена ли она лишь желанием сохранить *объективизм и избежать обвинений в предвзятости*. Майоров оценивает очень критически позицию Грузии и Молдавии, а также международных организаций по отношению к российским инициативам по урегулированию конфликтов. Впрочем, к последним он относится однозначно положительно.

Глава вторая посвящена усилиям России по урегулированию конфликтов в Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье и Горном Карабахе. Все разделы построены одинаково: вначале в лаконичной форме анализируются причины конфликта и ход событий, затем подчеркивается, что Россия внесла решающий вклад в прекращение огня, и, наконец, с наибольшей детальностью характеризуются действия российской дипломатии, направленные на мирное разрешение споров. Майоров не скрывает, что Россия, с одной стороны, принимая участие в миротворческих операциях, старалась оставаться в рамках общих норм международного права, а с другой же – реализовать свои политические интересы.

Несмотря на причины, лежащие в основе политического управления локальными конфликтами, российские миротворческие операции на территории СНГ представляются в общем довольно удачными, так как они приводили к прекращению борьбы и создавали условия для перехода к переговорам, которые должны были помочь найти путь политического урегулирования спора. При этом автор подчеркивает, что Россия, посредничество которой привело к подписанию грузино-осетинского «Меморандума о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами» (16 мая 1996 г.) и Меморандума «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем» (8 мая 1997 г.), осуществляла свою деятельность при полном уважении территориальной целостности Грузии и Молдавии. С другой стороны, и в основе всех соглашений, подписанных в результате российского посредничества, лежал принцип права наций на самоопределение.

На проводившиеся при посредничестве России переговоры отбрасывает тень факт, что процесс политического урегулирования конфликтов, несмотря на завершение боевых дейст-

вий более 10 лет назад, по-прежнему находится на начальном этапе своего развития. Единственное исключение составляет Таджикистан, в котором удалось успешно разрешить конфликт. Это доказывает, что, если Россия в этом заинтересована, конфликт можно быстро и успешно урегулировать. Конфликты остаются замороженными, и миротворческие силы стремятся лишь не допустить возобновления боевых действий, как это имело место в Южной Осетии в 2004 г. Майоров не дает однозначного ответа на вопрос, почему миротворческий процесс остановился на мертвой точке. Автор сознает, что он «не склонен идеализировать российское посредничество. Остановить кровопролитие в конфликтах – это одно, а предложить способы, с помощью которых можно снизить напряженности и удовлетворительно уладить их, – это другое, более трудное дело» (С.121). Майоров обращает внимание на объективные трудности, связанные с попытками найти компромисс, который – с одной стороны – основан на полном уважении к принципам территориальной целостности, а с другой – на принципе права наций на самоопределение. Здесь важное значение имеют также, по мнению автора, взаимные предубеждения и вражда, возникшие в ходе конфликта: он приводит результаты опросов общественного мнения в Южной Осетии и Грузии и одновременно дает отрицательную оценку политики Грузии, Молдавии и международных организаций (главным образом ОБСЕ), считая ее ошибочной. Наиболее критически он оценивает политику грузинского президента Саакашвили, утверждая, что именно воинствующая риторика Саакашвили является причиной радикализации абхазских и южноосетинских сепаратистов, ставя под вопрос результаты ведущихся до сих пор мирных переговоров. ОБСЕ подверглась критике в первую очередь за роль, которую она сыграла в неприятии молдавскими властями «Меморандума об основных принципах государственного устройства Федеративной Республики Молдова», подготовленного при участии Дмитрия Козака, специального представителя президента Путина. Этот план подразумевал строительство объединенной, основанной на федеративных принципах Молдавии, включающей в свой состав Приднестровье. Вместо того чтобы исполнять свою важную роль в качестве форума для выработки совместных решений по ключевым европейским вопросам, ОБСЕ – как считает Майоров – превратилась в инструмент давления на Россию. При этом Организация по

безопасности и сотрудничеству в Европе использует политику двойных стандартов, признавая право Косово на независимость и одновременно отказывая в нем Абхазии, Южной Осетии и Приднестровью.

Майоров скептически относится также к положениям молдавской и грузинской сторон, которые подвергали критике формат проводившихся до сих пор переговоров и предлагали включить в них США, ЕС, Румынию, а также заменить миротворческие силы (фактически российские) международными контингентами под покровительством ООН. Он обращает внимание на то, что мирные переговоры по вопросу Нагорного Карабаха, которые проводились при более широком международном участии, т. е. в рамках Минской группы ОБСЕ, не привели, однако, к прочному урегулированию этого конфликта. Следовательно, удовлетворение требования интернационализации переговоров еще не гарантирует успеха. Автор работы отмечает также, что во многом благодаря усилиям России удалось установить перемирие между армянами и азербайджанцами в мае 1994 г. Он утверждает, что «российская дипломатия проявила себя с наилучшей стороны. Здесь было все - и горячее желание скорее погасить пожар войны, и давление в сочетании с гибкостью» (С.73-74). Добавим, что два года спустя благодаря миссии Е. Примакова удалось произвести обмен пленными. Поэтому трудно не согласиться с утверждением Майорова, что действия, направленные на ослабление российских позиций в процессе переговоров, оказались политически близорукими. Прочное регулирование конфликтов на пространстве СНГ невозможно без участия России.

С другой стороны, Майоров не упоминает о том, что Россия не была особенно заинтересована в окончании конфликтов. Ибо статус-кво позволял оказывать давление на Грузию и Молдавию и сохранять состояние напряженности, затрудняющее осуществление планов их интеграции с западными структурами. Война с Грузией, которая показала неэффективность такой политики, вынудила Россию однозначно выступить на стороне сепаратистов, что привело к самому серьезному со времени распада СССР ухудшению отношений с западными государствами.

Вторая часть данной главы - «Основные задачи и направления миротворческой деятельности России» - посвящена проблемам теории и практики российского посредничества и

миротворческих миссий на территории СНГ. Несомненным успехом российской дипломатии можно считать достижение прекращения военной стадии конфликтов, что и является непременным условием перехода к стадии политического урегулирования. Однако Майоров не объясняет, что этот переход произошел в случае с Приднестровьем и Южной Осетией после ультиматума, который российская армия предъявила молдавской и грузинской сторонам, грозясь однозначно встать на сторону сепаратистов. Поэтому было бы гораздо ближе к истине утверждать, что Россия заставила власти Грузии и Молдавии подписать перемирие, добившись условий, выгодных для сепаратистов и самой России. Цинично звучат слова Майорова о политических целях, которые преследовали российские миротворческие силы: «Одного только не могли добиться от нее (России. – Р.С.) конфликтующие стороны - чтобы российские солдаты встали на ту или иную сторону и вооруженным путем „урегулировали“ конфликт» (С.86). Нападение грузинских сил на Южную Осетию 8 августа 2008 г. показало в то же время, что из-за отсутствия прогресса в политическом процессе урегулирования спора российские миротворческие силы, вопреки утверждениям Майорова перестали быть «единственной реальной гарантией невозобновления вооруженных столкновений в зонах конфликтов» (С.122). Данное положение вызывает критику как со стороны Грузии и Молдавии, так и Запада, которые обвиняют Россию в том, что под предлогом миротворческих операций она осуществляет свои национальные интересы, игнорируя интересы новых государств. Примером здесь может послужить Абхазия, в которой по решению Совета глав государств СНГ должен был быть размещен коллективный контингент миротворческих сил в рамках СНГ, а фактически - российские миротворческие батальоны, подчиненные Министерству обороны Российской Федерации.

Майоров подчеркивает значение «челночной дипломатии» как основной формы дипломатической активности, а также роль послов по особым поручениям. Первостепенное значение на начальном этапе переговоров имеет, по мнению автора, процесс восстановления доверия между сторонами, который состоит из нескольких этапов: 1) прекращение огня и прочная стабилизация положения в зоне конфликта; 2) поддержание постоянного переговорного процесса, в частности, при участии специализированных организаций - Объединенной конт-

рольной комиссии (Южная Осетия и Приднестровье), Координационной комиссии (Абхазия) и Минской группы ОБСЕ (Нагорный Карабах); 3) возвращение беженцев; 4) восстановление экономических связей; 5) «народная дипломатия». По отношению к постсоветским конфликтам процесс остановился, однако, на втором этапе восстановления доверия. Майоров критически оценивает практику применения санкций, так как они не способствуют политическому урегулированию споров. Как считает автор, введение санкций СНГ в отношении Абхазии в 1996 г. было ошибкой и не служило российским интересам, так как оно поколебало доверие к России как к «традиционному арбитру межэтнических споров на Кавказе» (С.102) и только поддержало курс на независимость Абхазии, ослабляя при этом диалог между сторонами конфликта.

В третьей главе - «Методика и практика посредничества» - особое внимание уделяется вопросам усвоения основных «правил игры» и анализу желательных черт характера дипломата-посредника. Здесь Майоров использует не только свой собственный опыт работы, но и других российских посредников, западных дипломатов, участвовавших в мирных переговорах, а также политологов, специалистов-конфликтологов (таких, как, например, В. Казимиров, А. Адамишин, В. Виноградов, Г. Николсон, Х. Тальявини, Р. Фишер и У. Юри). Рассматривая процесс переговоров, автор особое значение придает поддержанию постоянного переговорного процесса, ибо перерывы в переговорах могут привести к неблагоприятным тенденциям, преодоление которых будет тормозить весь миротворческий процесс. Основной предпосылкой для успешного хода переговоров является возможность непосредственного общения между конфликтующими сторонами. Российская дипломатия всегда придавала огромное значение встречам в верхах, однако практика показала, что, как правило, эти встречи не обозначали ожидаемого перелома. В таких условиях возрастает значение комиссий экспертов, способных помочь в выработке компромисса в отношении второстепенных и технических вопросов, которые все же облегчают жизнь людей в зоне конфликта. Посредник должен давать рекомендации и оказывать содействие в подготовке текстов согласованных договоров, оставаясь при этом в тени. Майоров сводит российскую модель ведения переговоров к принципу «шаг за шагом» (*step by step*), сущностью которого является разрешение менее значительного, но способствующего восстановлению доверия вопроса и переход к следующему этапу переговоров.

Представляя свое видение идеального дипломата-посредника, Майоров отмечает, что он не должен оценивать позиции спорящих сторон. Во время переговоров посредник должен характеризоваться решительностью и открытостью, т.е. действовать по принципу «железной руки в бархатной перчатке». Кроме того, Майоров предъявляет и другие наиболее высокие требования к посреднику – такие, как высочайший уровень профессионализма, искренность и беспристрастность, терпение и спокойствие, настойчивость и самообладание, неравнодушие и скромность. И хотя такой набор качеств характера еще не гарантирует успеха его миссии, все же он может помочь приобрести доверие сторон и увеличить шанс успешного завершения переговоров. В заключение своего анализа автор констатирует: «Реальность же этнонациональных конфликтов такова, что здесь в принципе не может быть скорых и эффективных решений. Посредничество в таких конфликтах – это кропотливая, каждодневная работа с необязательно немедленным положительным результатом» (С.116).

Направление дипломатии, связанное с посредничеством и миротворческой деятельностью, представляло большую трудность для МИД России в связи с тем, что стала очевидной необходимость создания с начала до конца новых методов и схем работы. Российская активность в отношении урегулирования конфликтов на территории бывшего СССР у многих может вызывать упреки, однако следует помнить, что международная общественность сама уступила инициативу России, главным образом вследствие своей незаинтересованности в разрешении этих конфликтов, ибо западные страны в значительно большей степени фокусировали свое внимание на гражданской войне в бывшей Югославии.

Работа Михаила Майорова, несмотря на крайне тенденциозный взгляд на роль России в регулировании конфликтов в странах СНГ, представляет ценность для всех тех, кто интересуется российской политикой по отношению к бывшим советским республикам. Книга позволяет лучше познакомиться со специфическим для России видением политики в странах т. н. ближнего зарубежья, а ее актуальность подчеркнула российско-грузинская война, которая в конечном счете привела к признанию Россией независимости Абхазии и Южной Осетии.

Недостатком публикации Майорова является неучет роли России в гражданской войне в Таджикистане. Следует отметить, что на фоне всех миротворческих действий, проводив-

шихся Россией на территории СНГ, операция в Таджикистане лишь в очень незначительной степени имела классический характер. Однако именно благодаря сильному нажиму со стороны России и Ирана, обеспокоенных военными успехами афганских талибов, состоялось в Москве в 1997 г. подписание мирного соглашения между конфликтующими сторонами. Таким образом, Таджикистан является единственным примером политического урегулирования конфликта, разразившегося в начале 90-х гг. Автор обходит также молчанием участие миротворческих сил России в миссии в Боснии, Косово, Сьерра-Леоне и др., несмотря на то, что миротворческие операции - согласно «Военной доктрине РФ», утвержденной в 2000г., - стали одной из основных приоритетных задач, поставленных перед Вооруженными Силами РФ. Кроме того, как нам представляется, в значительной степени работу обогатил бы анализ правовых норм, регулирующих применение российских миротворческих сил на территории стран СНГ. Ведь сама Россия добивалась одобрения мандата на миротворческие действия со стороны таких международных организаций, как ООН, ОБСЕ или, по крайней мере, СНГ.

Роберт Смигельски

**Wojciech Materski. *Dyplomacja Polski "lubelskiej".
Lipiec 1944 – marzec 1947. Warszawa, 2007. 427 s.***

Международное положение Польши в первые годы после второй мировой войны стало предметом исследований, нашедшим свое отражение в нескольких монографиях польских историков, в частности, Хенрыка Батовского, Влодзимежа Ковальского, Влодзимежа Бородзея, Крыстыны Керстен, Марека Казимежа Каминьского². Тем не менее, серьезные исследования дипломатии так называемой «люблинской» Польши

² H. Batowski, *Wojna a dyplomacja. 1945*, Poznań 1972; W.T. Kowalski, *Polityka zagraniczna RP 1944-1947*, Warszawa 1988; W. Borodziej, *Od Poczdamu do Szklarskiej Poręby. Polska w stosunkach międzynarodowych 1945-1947*, Londyn 1990; M.K. Kamiński, *Polska i Czechosłowacja w polityce Stanów Zjednoczonych i wielkiej Brytanii 1945-1949*, Warszawa 1991. Эта книга переиздана под названием *W obliczu sowieckiego ekspansjonizmu. Polityka Stanów Zjednoczonych i Wielkiej Brytanii wobec Polski i Czechosłowacji 1945-1948*, Warszawa 2005; K. Kersten, *Narodziny systemu władzy. Polska 1943-1948*, Poznań 1990.

пока не проводились. Таким образом, рецензируемая книга представляет собой первую попытку в этом направлении, причем автор мог опираться на результаты своих предыдущих исследований, проведенных по материалам Архива внешней политики Российской Федерации (г. Москва). В то время он мог получить доступ к документам, которые зачастую в наши дни для исследователей снова становятся недоступными³. Наряду с польскими архивами автор также изучал материалы архива Министерства иностранных дел Чешской Республики и Национального архива (г. Прага), которые, в частности, использовал при написании раздела о международных отношениях Польши и Чехословакии.

Книга состоит из двух глав. В первой главе автор анализирует возникновение нового центра политической власти будущей Польши. После разрыва дипломатических отношений между СССР и правительством генерала Владислава Сикорского в Москве начало создаваться новое польское правительство. Союз польских патриотов выступал в качестве представителя интересов всех поляков, симпатизирующих СССР (что означало отказ Польши от Западной Украины и Белоруссии). Представители союза действовали за рубежом (официально – как зарубежные корреспонденты) в местах проживания польской диаспоры (например, в Тегеране), ведя пропагандистскую деятельность против польского правительства в эмиграции. Таким образом, они стали прообразом органов дипломатической службы, продолжающих формироваться Польским комитетом национального освобождения, который с лета 1944 г. начал осуществлять управление на польских территориях, освобожденных советскими войсками («люблинской» Польши).

Деятельность «люблинской» дипломатической службы началась в крайне неблагоприятных условиях. Польский комитет национального освобождения (ПКНО, *Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego* – PKWN), а впоследствии временное правительство находилось в международной изоляции. Но уже с лета 1944 г. представители люблинского комитета при-

³ В этом я мог убедиться на личном опыте в ходе своего пребывания в Москве в июне 2007 г., когда мне не могли предложить практически ничего по тематике чехословацко-польских отношений в первые годы после второй мировой войны, мотивируя это тем, что «данная тема не является профильной для АВП РФ» и что доступ предоставляется только к архивным документам, относящимся к международным отношениям СССР с другими странами.

лагали активные усилия для установления по крайней мере неофициальных контактов с дипломатическими представителями других государств, пребывающими в Москве. Московское представительство ПКНО (а после возникновения временного правительства – посольство) стало важным местом выхода люблинского комитета на международную политическую арену (при щедрой поддержке советского правительства). Как известно⁴, важнейшую роль в этом вопросе сыграл посол Чехословакии в СССР Зденек Фирлингер. Ряд его шагов, с помощью которых ПКНО очевидно стремился выйти из международной изоляции, вызывает у историков обоснованные подозрения в том, что Фирлингер представлял скорее советские, чем чехословацкие интересы. Ведь именно Чехословакия должна была стать своего рода ледоколом, с помощью которого ПКНО, а впоследствии временное правительство Польши должны были расколоть лед международной изоляции и получить международное признание. Широко известно, что для достижения этой цели СССР оказывал прямое давление на Чехословакию, допуская возможность передачи Цешинской Силезии Польше⁵. Несмотря на первоначальные трудности, люблинскому правительству постепенно удалось установить контакты, в первую очередь с действующими в Москве дипломатическими представителями других государств. Хотя сначала регулярные дипломатические отношения отсутствовали, тем не менее некоторые посольства (например, Югославии и Италии) подтверждали прием меморандумов или дипломатических нот ПКНО, что свидетельствует о фактическом признании его представителем польского государства. Разумеется, от контактов с ПКНО воздерживались США и особенно Великобритания; резкие протесты против «дипломатической» деятельности люблинского комитета также выражало польское правительство в эмиграции. Однако это уже не могло помешать тому, чтобы чаша весов склонилась в пользу просоветских поляков.

В буквальном смысле этого слова дипломатическая служба начала создаваться после возникновения временного правительства. На первый взгляд может показаться, что в его состав

⁴ Например, см.: J. Nemeček, *Od spojenectví k roztržce. Vztahy československé a polské exilové reprezentace za druhé světové války*, Praha 2003.

⁵ См.: I. Štoviček, *Diplomatické pozadí uznání polské lublinské vlády (Dokumenty)*, 1993, № 43. - С. 3–57.

вошли представители всех политических течений Польши. На самом деле это был блеф, так как все эти политики были не более чем марионетками в руках коммунистов. Впрочем, не удивительно: как раз они и занимали ключевые посты в этом правительстве. В их сферу влияния входило и министерство иностранных дел. Первоначально оно возглавлялось социалистом (премьер-министром Эдвардом Осубкой-Моравским), но в мае 1945 г. министром иностранных дел стал Винценты Жимовски. Несмотря на то, что он был членом демократической партии, фактически министерство находилось в руках коммунистов. Заместителем министра иностранных дел был коммунист Зыгмунт Модзелевски (через некоторое время вторым заместителем министра иностранных дел стал еще один коммунистический деятель – Якуб Берман). Имеющий важное значение политический отдел МИД возглавил Юзеф Ольшевски (также член Польской рабочей партии). Доминирующая роль коммунистов в министерстве также усиливалось благодаря слабым позициям Жимовского, который во внешнеполитических вопросах ориентировался явно недостаточно (С. 229), поэтому министерством фактически управлял Модзелевски⁶.

Но, пожалуй, наибольшей проблемой, с которой столкнулась польская дипломатическая служба, была нехватка квалифицированных кадров. Дипломатический корпус довоенной Польши в основном остался на Западе, а после создания Временного правительства национального единства в июне 1945 г. (членами которого стали представители эмиграции во главе со Станиславом Миколайчиком), на службу к «люблинской» Польше поступили лишь несколько дипломатов (например, Юзеф Виневиц) и политиков, ранее работавших в польском правительстве в эмиграции (Хенрык Штрасбургер стал послом в Великобритании, Станислав Кот, близкий сотрудник генерала Владыслава Сикорского, – в Италии). Последние из них создавали для варшавского правительства видимость легитимности, помогая ему решать задачи, связан-

⁶ В ряде вопросов сотрудники МИД просто не ориентировались. Например, когда в июне 1945 г. находящийся в Варшаве чехословацкий посол Йозеф Гейрет предъявил Жимовскому территориальные претензии Чехословакии на бывшую немецкую часть Силезии, польские дипломаты не знали, где находится Кюдская котловина, какова ее площадь и т. д. См.: J. Pavlíček, *Od konfrontace ke spojení (K československo-polským vztahům v letech 1945-1947)*, Universitas Ostraviensis. Acta Facultatis Philosophicae. Historica, 1997, № 5. - С. 98.

ные, например, с репатриацией солдат и офицеров польской армии на Западе или с антикоммунистической пропагандой, которая, в частности, велась штабом генерала Владыслава Андерса в Италии (Кот принадлежал к числу противников генерала Андерса, а разногласия между ними возникли еще во время деятельности Кота в качестве посла в СССР в 1941-1942 гг.). Однако проблему с нехваткой дипломатических кадров это не решило, поэтому пришлось использовать дополнительные источники. Таким образом, на дипломатических постах оказались писатели, ученые (например, Ежи Путрамент, Хенрык Раабе), а также члены коммунистической партии, обладающие минимально необходимыми языковыми знаниями. Из-за нехватки квалифицированных кадров возникли также проблемы с укомплектованием штата отдельных подразделений министерства. Разумеется, эти трудности сказывались на общих показателях работы дипломатической службы. Нередко выступления польских «дипломатов» приводили к различным скандалам, например, в случае поверенного в делах коммуниста Альфреда Фидеркевича, который открыто назвал генерала Андерса и его армию фашистами, что оттолкнуло польскую диаспору в Великобритании от новых польских властей и от хотя бы частичного признания ею новых порядков в Польше (С. 299).

В частности, на основании источников Министерства иностранных дел Польши автор анализирует дипломатические отношения Польши не только с СССР и крупными западными державами, но и с другими государствами Европы, Африки, Азии и Южной Америки. Разумеется, в случае государств вышеуказанных трех континентов исследование ограничивается констатацией основных фактов, т. к. сотрудничество с этими государствами было на относительно низком уровне. Однако установление дипломатических контактов способствовало укреплению престижа варшавского правительства. Так как в течение длительного времени ряд государств избегал установления прямых дипломатических отношений, польская дипломатия стремилась достичь своей цели окольным путем: с помощью торговых переговоров, которые должны были подготовить почву для налаживания регулярных дипломатических отношений. Но и здесь сказывалась нехватка квалифицированных кадров. Например, в государствах Бенилюкс «польские дипломаты и «эксперты» продемонстрировали такой

непрофессионализм, создавали такие компрометирующие ситуации, что полностью утратили доверие...» (С. 293).

В силу ряда причин отношения с СССР в Варшаве придавалось чрезвычайно большое значение. Несмотря на то, что фактически у власти в Польше были коммунисты, в меру сил и возможностей поляки старались заставить своего восточного соседа соблюдать их права и удовлетворять их требования. Особенно в вопросах репатриации. Хотя посол Польши Хенрык Раабе всеми силами стремился вернуть как можно больше поляков на родину (они требовались Польше для заселения новых западных территорий), осуществлению его благих намерений мешал недостаток профессионализма. Сохранились документы, свидетельствующие о низком уровне составления прошений и требований польской стороны и даже об их наивности (попытка возвращения объектов польского культурного наследия путем включения специальной статьи в проект договора о польско-советском культурном сотрудничестве (С. 148).

Два обширных раздела автор посвятил чехословацко-польским отношениям, которые в то время, в частности, из-за территориальных претензий, не были безоблачными. При этом можно согласиться с утверждением г-на Матерского о том, что если не учитывать конфликтный характер отношений, то дипломатические отношения между Чехословакией и Польшей наиболее соответствовали классическому варианту дипломатии. Как указывалось выше, автор широко использует документы Архива Министерства иностранных дел Чешской Республики и Национального архива (г. Прага). Особую ценность представляет собой использование советских документов, с которыми автор ознакомился, работая с российскими архивами в 90-х годах прошлого века. Таким образом, на волне «гласности» ему удалось изучить некоторые документы, которые относятся к чехословацко-польским отношениям и которые в наше время опять стали недоступными. Тем не менее, г-н Матерски получил доступ далеко не ко всем, а лишь к отдельным материалам. Несмотря на это, можно сделать вывод о том, что, внешне сохраняя нейтралитет, СССР использовал чехословацко-польские разногласия для укрепления своих позиций. В территориальном споре о Цешинской Силезии оба государства стремились заручиться поддержкой СССР, поэтому всячески старались идти ему навстречу, например, поддерживая внешнюю политику Советского Союза. Тем не менее, интересно было узнать мнение советских дипло-

матов о чехословацко-польских отношениях, о подходе, рекомендованном Москве послами Зориным и Лебедевым, о мнении экспертов Народного комиссариата (с 1946 г. – министерства) иностранных дел и о разгоревшейся на эту тему дискуссии. Судя по «Справочнику по фондам» Архива внешней политики Российской Федерации, в фондах таких документов более чем достаточно. Однако в настоящее время для изучения они недоступны⁷. Вызывает сожаление, что не использовалась публикация «*Восточная Европа в документах российских архивов*», в которой можно найти ряд важных документов, относящихся к чехословацко-польским отношениям. В числе прочего из них следует, что еще в ноябре 1945 г. в разговоре с Гомулкой и Минцем Сталин отверг претензии Польши на Цешинскую Силезию⁸.

Хотя в разделах о взаимоотношениях между Чехословакией и Польшей автором широко используются чешские и польские архивные источники, им были допущены некоторые ошибки, очевидно, обусловленные недостаточным знакомством с литературой по этой тематике. На них я указал в своей рецензии, опубликованной в журнале «Славянское обозрение» (*Slovanský přehled*), поэтому нет необходимости останавливаться на этом в настоящей работе⁹. Хотелось бы упомянуть о выдвинутой

⁷ *Справочник по фондам Архива внешней политики Российской Федерации 1917-1962 гг.* Москва, 2002. С. 227. Когда в 2007 г. я обратился за получением разрешения на ознакомление с документами, относящимися к послевоенным чехословацко-польским отношениям, 8.1.2007 мне пришел отказ с обоснованием, что «АВП РФ хранит материалы по истории двусторонних политических отношений России/СССР с зарубежными странами, а заявленная Вами проблематика затрагивает отношения третьих стран, и эта тема не является профильной для АВП РФ». Хотя после повторного запроса 25.4.2007 руководство архива мне позволило ознакомиться с «некоторыми документальными материалами Архива внешней политики Российской Федерации», во время моего пребывания в Москве для изучения мне предложили только второстепенные материалы, которые в подавляющем большинстве к чехословацко-польским отношениям не имели никакого отношения (это лишний раз указывает на то, что по сути фонды до сих пор остаются закрытыми, а в свое распоряжение исследователь может получить только документы, предоставленные ему сотрудниками архива). Упоминание о том, что в справочнике по архиву прямо говорится о наличии в архиве документов, относящихся к послевоенным чехословацко-польским отношениям, мне не помогло; мне также не были предоставлены документы, доступ к которым ранее получали другие авторы.

⁸ *Документ № 112 // Восточная Европа в документах российских архивов. 1944-1953. Т. I. 1944-1948 гг.* Москва-Новосибирск, 1997. - С. 302.

⁹ J. Friedl, *Knih o diplomacii „lublinskúho“ Polska // Slovanský přehled* 94, 2008, № 2. - С. 281-287.

г-ном Матерским гипотезе об отношении президента Чехословакии Эдварда Бенеша к Советскому Союзу. Автор задается вопросом, почему в территориальном споре более весомую поддержку не получила Польша, несмотря на то, что с идеологической точки зрения она была ближе к СССР, чем Чехословакия, которая в определенной степени всегда оставалась демократическим государством, опирающимся на традиции Первой Чехословацкой Республики. При этом у автора возникает гипотеза о том, что в борьбе двух Эдвардов (премьер-министра Польши Эдварда Осубки-Моравского и президента Чехословакии Эдварда Бенеша) выиграл чехословацкий президент. «Это может указывать на то (скорее это гипотеза, чем утверждение), что президент Чехословакии гораздо сильнее зависел от Советского Союза, чем это следует из имеющихся документов. Поэтому, контролируемый Сталиным, “вызывал большее доверие”...» (С. 363).

Однако после 1945 г. президент Бенеш не имел большого влияния на внешнюю политику Чехословакии, а в чехословацко-польские отношения практически не вмешивался. В соответствии с конституцией, внешнюю политику проводило правительство, кроме того, по состоянию здоровья внешнеполитическим вопросам Бенеш не мог уделять столько внимания, как в предыдущие годы. Это следует не только из исторической литературы, но и из самой монографии г-на Матерского. Бенеш принимал активное участие лишь в процессе признания временного правительства на рубеже 1944-1945 гг. При этом он потерпел поражение, когда поддержку Советского Союза не получило его предложение о том, чтобы перед установлением дипломатических отношений правительство Осубки-Моравского издало декларацию, в которой бы осудило присоединение Цешинской Силезии к Польше в октябре 1938 г. Желая заставить правительство Чехословакии как можно скорее установить дипломатические отношения с Люблином, СССР даже не исключал возможность передать Цешинскую Силезию Польше. Случай с Закарпатьем свидетельствовал, что это не пустые угрозы. Трудно сказать, кому (Чехословакии или Польше) в большей степени удалось привлечь на свою сторону СССР и западные державы. На основании личного опыта исследования архивных материалов мне кажется, что более значительных успехов на дипломатическом фронте добилась Чехословакия. В своей книге г-н Матерски приводит тому ряд доказательств с

указанием причин. Дипломатическая служба Чехословакии не испытывала такой острой нехватки кадров, как Польша. Прага также смогла лучше организовать ведение пропаганды за рубежом¹⁰. Более высокий профессиональный уровень дипломатического корпуса предоставлял Чехословакии преимущества, которыми она успешно воспользовалась на международной арене. Аналогичный вывод также сделал М. К. Каминьски, на работы которого г-н Матерски тоже ссылается в своей книге¹¹. В то время, как послом Чехословакии в Польше был Йозеф Гейрет, профессиональный дипломат с богатым опытом, в Праге Польшу представлял Стефан Вербловски, один из коммунистических лидеров, который своим упрямством и прямолинейностью восстановил против себя не только сотрудников чешского МИД из Чернинского дворца, но и ведущих деятелей Коммунистической партии Чехословакии, по инициативе которых он был из Праги отозван¹².

Безусловно, монография Войцеха Матерского представляет собой весомый вклад в разработку тематики, посвященной деятельности польской дипломатии в первые годы после второй мировой войны. Настоящее исследование также помогает проследить механизмы советизации Польши, а в более широком смысле – механизмы создания советского военно-политического блока. Однако работа над данной проблематикой не завершена – требуется дальнейшее тщательное изучение зарубежных (в частности, российских) архивных материалов.

Иржи Фридл

¹⁰ Во время второй мировой войны лондонское правительство Польши даже восхищалось чехословацкой пропагандой, которая смогла пробудить большой интерес к Чехословакии (см.: Польский институт и музей имени генерала Владислава Сикорского. Лондон. А.ХП.7/13, донесение поручика Саксла от 12.8.1942).

¹¹ М. Kamiński, *Polsko-czechosłowackie stosunki polityczne 1945-1948*, Warszawa 1990. - С. 122.

¹² J. Friedl, *PPR wobec polsko-czechosłowackiego sporu o Zaolzie w latach 1945-1947 // „Polski Przegląd Dyplomatyczny”*, 2006, № 6. - С. 161-176.